

О.Е. Горбацевич (Минск)

ТЕРМИН КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ЯЗЫКОВОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА

Неоднократно замечено, что термин, несмотря на то что является языковой единицей, не обладающей экспрессией и модальностью, всё-таки способен в произведениях художественной и научно-популярной литературы выполнять специфические стилистические функции. Рассмотрим данное своеобразие термина на примере произведений А.С.Макаренко.

В сочинениях А.С.Макаренко именно термины педагогики и психологии являются той единицей, которая характеризует и определяет стиль писателя. Специфика произведений состоит в том, что в них практически отсутствует деление на научные и художественные. В основе содержания и тех и других лежит педагогический опыт педагога, поднимаются психолого-педагогические проблемы, поясняются психолого-педагогические понятия. В художественных произведениях часты научные рассуждения («Педагогическая поэма», «Флаги на башнях», «Марш 30-го года», «Мажор», «ФЭД-1»), а в собственно научных — лекциях, докладах, статьях — встречается большое количество образных художественных отступлений. Именно поэтому функционирование терминологической лексики в произведениях различных жанров во многом сходно.

Как любое слово русского языка, термины выполняют номинативную (точнее, дифинитивную) функцию, называя то или иное понятие педагогики или психологии. Например: «По нашему мнению, *коллектив* есть *контактная совокупность*, основанная на специальном *принципе объединения*» или «*Капризы* — это, вероятно, особая форма первых попыток противопоставить свою волю воле родителей, особая *форма протеста*, часто превращающаяся с годами в привычную *форму общения* с родителями, своеобразный *рефлекс на раздражитель*» (1).

Иногда ввод термина в текст произведения связан с определённым стилистическим заданием. Термины, выступая в качестве элемента языка художественного произведения, выполняют ту или иную стилистическую функцию, как любое слово литературного языка. В ряде случаев термины используются в качестве довольно яркого характерологического средства. В «Книге для родителей» Макаренко создаёт образ отца, который прекрасно владеет педагогической терминологией, с любым человеком может поддержать «педагогический» разговор, но своего ребёнка он уже давно «упустил». Создаётся обобщённый образ родителя, знакомого с педагогической теорией, но не умеющего применить её на практике. Воспроизведению этого характера способствует и терминологическая лексика, которая в устах персонажа не имеет специального значения, не содержит особого педагогического смысла: «Вы,

педагоги, всё упрекаете: методы, методы! Никто не спорит, методы, но разрешите же, друзья, *основной конфликт!* С одной стороны, общественная нагрузка, общественный долг, с другой стороны, долг перед своим ребёнком, перед семьёй...» Далее писатель сопровождает эту речь своим замечанием, способствующим полному раскрытию образа: «Он пьёт чай в клубе и болтает со мной — это тоже общественная нагрузка. А дай ему время, что он будет делать? Он будет бороться с неприличными анекдотами? Как? Сколько ему было лет, когда он сам начал ругаться? Какая у него была программа? Что у него есть, кроме *«основного конфликта»*? И куда он убежал? Может быть, воспитывать своего сына? А может быть, в другое место, где можно ещё поговорить об *«основном конфликте»*? (1)

В некоторых случаях термины служат прекрасным средством стилизации научной речи. Иногда стилизация сочетается с созданием пародии. При этом создаётся очень точная речевая характеристика образа без описания внешности и характера. Вот, например, как создаёт А.С.Макаренко образ инспектора губнаробраза Шарина: «Он прекрасно усвоил не только сот модных терминов и умел бесконечно низать пустые словесные трели, убежденный, что за ними скрываются педагогические и революционные ценности» (1). Сочетая несовместимые понятия *словесные трели* и *педагогические и революционные ценности*, писатель, с одной стороны, показывает своё отношение к описываемому, с другой, создаёт дополнительный комический эффект.

Терминологическая лексика в ряде случаев служит образному описанию событий и картин действительности, состояния персонажей. Термины тогда, помимо основных (номинативной и дефинитивной) функций, приобретают ещё и эстетическую функцию. Например: «Область стиля и тона всегда игнорировалась педагогической теорией, а между тем это самый существенный, самый важный отдел коллективного воспитания. *Стиль — самая нежная и скоропортящаяся штука. За ним нужно ухаживать, ежедневно следить, от требует такой же придирчивой заботы, как цветник*» (1).

Определённый стилистический эффект достигается в том случае, когда техническим терминам придаются значения терминов педагогики или психологии. Например: «Наше *педагогическое производство* никогда не строилось по технологической логике, а всегда по логике моральной проповеди. (...) Именно поэтому у нас просто отсутствуют все важные отделы производства: *технологический процесс, учёт операций, конструкторская работа, нормирование, контроль, допуски и браковка*. Когда подобные слова я несмело произносил у подошвы «Олимпа», боги швыряли в меня кирпичами и кричали, что это *механистическая теория*» (1).

Достаточно часто такая «сухая» лексическая единица, как термин, становится средством создания иронии, юмора и сатиры. Макаренко использовал эти средства в качестве оружия для борьбы с идеями педологии. Часто ирония создаётся путём употребления в одном предложении слов,

принадлежащих к различным функциональным стилям. Например: «В методике педагогического процесса об уборных ничего не говорится, и, вероятно, поэтому в Куряже так легкомысленно обходились без этого *полезного жизненного института*» или «У нас коли станут на путь *коллективного воспитания*, так решают обязательно, чтобы от всякой *индивидуальности остались рожки да ножки*» (1).

Писатель использует приём нагромождения терминов, характеризующих «педагогическое творчество» некоторых работников народного образования. При этом вся фраза получает специфическую стилистическую окраску. Например: «Эти дети в своих историях тоже насчитывают три-четыре детских дома или колонии, а то и гораздо больше, иногда даже по одиннадцати, но это уже *результаты не их стремлений к лучшему будущему, а наробразовских стремлений к творчеству*, стремлений, часто настолько глупых, что и самое опытное ухо не способно бывает различить, где начинается или кончается *реорганизация, уплотнение, разукрупнение, дополнение, свёртывание, развёртывание, ликвидация, восстановление, расширение, типизация, стандартизация, эвакуация и реэвакуация*» (1). Поясняя некоторые довольно часто употребляемые термины, Макаренко использует приём комического раскрытия того или иного понятия. Например: «*Педагогично*» вовсе не означало «целесообразно», а совсем другое. Это словечко означало, что и сено должно быть цело, и козы целы, и волки сыты, что никто не должен быть в обиде: ни ребёнок, ни воспитатель, ни инспектор, что должны остаться в незапятнанном виде все принципы и идеи, что инициатива ребёнка не должна быть подавлена, что после реагирования должны царить мир, гладь и божья благодать. Фактически инспекторы и вообще вдохновителей всей этой мистерии интересовали не ребёнок, не тем более будущий гражданин, не воспитатели, не даже принципы. Их интересовал исключительно педагогический фокус: сделай вот так, чтобы никто ничего не заметил, а тишь и гладь и прочее чтобы из ничего получилось» (1).

Ряд терминов выступает в качестве структурных элементов метафоры или метонимии. Например: «И в воспитательских *квартирах царила* такая же *депрессия*» или «Берите руль и начинайте беспощадно *гнуть* свою *воспитательную линию*»(1).

Термин может выполнять эстетическую функцию, выступая в системе образных средств литературного языка. Например: «Между нами: среди *педагогической братии* процент *семейных бракоделов* нисколько не меньше, чем у вас. И наоборот, прекрасные дети вырастают часто у таких родителей, которые не видели *ни парадного, ни чёрного входа в педагогическую науку*» (1).

Таковы, на наш взгляд, основные функции терминологической лексики в научно-популярных и художественных произведениях.

1. Макаренко А.С. Педагогические сочинения в 8 томах. / А.С.Макаренко. — М.: Педагогика, 1983.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ